

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.)*

А. Д. Тауров

В конце V—IV вв. до н. э. в погребальном обряде, составе и размещении погребального инвентаря кочевников Северного Казахстана происходят существенные изменения. Связаны они не только с внутренними трансформациями в обществе, но и являются результатом движения на запад групп родственных племен из Восточного Туркестана. В дальнейшем имело место переселение части кочевников Южного Зауралья в Северный Казахстан, что вело к закреплению «сарматских» черт в погребальной обрядности североказахстанских номадов. Во второй половине III в. до н. э. отмечается очередная волна движения кочевников Центральной Азии на запад, обусловившая дальнейшую трансформацию погребальной обрядности населения Урало-Казахстанских степей.

Ключевые слова: Северный Казахстан, ранние кочевники, этнокультурные процессы, погребальная обрядность, переселения.

Памятники сакского периода Северного Казахстана разделены М. К. Хабдулиной на два этапа: VIII—V вв. до н. э. и IV—II вв. до н. э. При этом она подчеркивает сохранение на протяжении всего сакского периода культурной преемственности. Последнее обстоятельство позволило ей объединить памятники степной зоны Северного Казахстана в рамках улубаевско-тасмолинской культуры. В своем развитии эта культура проходит три хронологических этапа: VIII—VII вв. до н. э.; VI—V вв. до н. э.; IV—II вв. до н. э. [10, с. 24; 11, с. 6, 79]. Ею же подробно рассмотрены и изменения произошедшие в конце V—IV вв. до н. э. в погребальном обряде, в составе и размещении погребального инвентаря у кочевников Северного Казахстана [10, с. 13—19, 22—24; 11, с. 24—26, 46—64, 83—85], поэтому мы отметим лишь основные из них.

В конце V—IV вв. до н. э. в Северном Казахстане появляется южная ориентировка погребенных, одновременно исчезает северо-восточная и восточная и изменяется процентное соотношение других видов ориентировки. В это же время могильные ямы становятся глубже, стенки их оформляются различными вариантами уступов (запличиков) и ниш, появляются захоронения в катакомбах, но исчезают наземные погребения. С этим же временем связано появление мощных плоских перекрытий, увеличение количества сосудов с могильной яме. В инвентаре появляются первые экземпляры железных черешковых наконечников стрел, новые типы кинжалов и сосудов. Особо следует подчеркнуть появление круглодонных сосудов и кинжалов с подтреугольным (ложнотреугольным) перекрестием и рожковидным навершием, с брусковидным навершием и сломанным под тупым углом перекрестием [11, табл. 52, 9, 10]. В двух курганах (Берлик II, курган 6 и Урнек, курган 2), включенных М. К. Хабдулиной в группу памятников конца V—IV вв. до н. э., отмеченные выше инновации встречаются не разрозненно, а в комплексе [10, рис. 3, 1—3; 11, с. 70, табл. 22, III; 24; 52, 9, 10; 59, 21]. Так, в кургане 2 могильника Урнек захоронение было совершено

в глубокой могильной яме с нишей в южной торцевой стенке. Погребенный уложен головой на юг, за головой, в нишу, помещен сосуд неизвестной ранее формы. В состав погребального инвентаря входили железные черешковые наконечники стрел и кинжал с брусковидным навершием и сломанным под тупым углом перекрестием. Под насыпью кургана 6 могильника Берлик обнаружены остатки шатровидной (?) конструкции в виде радиальной выкладки из бревен, окруженной деревянной многоугольной рамой. В центре находилась катакомба, у которой входная яма и погребальная камера расположены на одной линии. Погребенный уложен вытянуто на спине, головой на юг. Сопроводительный инвентарь представлен сосудом с очень узким плоским дном, а также кинжалом с подтреугольным (ложнотреугольным) перекрестием и рожковидным навершием.

Появление новых черт в погребальном обряде у кочевников Северного Казахстана М. К. Хабдулина объясняет тем, что «... одна из волн сарматского нашествия задела и территорию Северного Казахстана». Однако, «... эта миграция не была значительной. Основные включения ее фиксируются на территории Сергеевского микрорайона». Появление же новых форм инвентаря, по ее мнению, «... указывает на связь с западным сарматским миром, возможно, и с восточным хунно-усуньским» [11, с. 84].

IV—II вв. до н. э. является заключительным этапом в истории улубаевско-тасмолинской культуры Северного Казахстана. В это время крупные курганы знати выносятся вглубь степей и стоят изолированно друг от друга. Это, по выражению М. К. Хабдулиной, второй этап освоения степей, связанный с факторами социального характера — «... своеобразный способ закрепления территории кочевий за отдельными родами, обозначение его границ» [11, с. 84]. Усложняется как наземная, так и подземная части погребальных сооружений. Усложняются и более разнообразными становятся конструкции погребальных камер. Наряду с простыми грунтовыми ямами и подбоями, распространяются катакомбы. В IV—II вв. до н. э. сохраняется западная ориентировка погребенных, в том числе и в подбойных могилах. На дне могильных ям в

* Исследование выполнено в рамках госзадания Минобрнауки РФ № 33.2644.2014К.

Сергеевском микрорайоне обнаружены остатки берестяных гробовищ, деревянных рам. Культ огня сохранился в тех же формах, что и в предшествующее время, но стал более выразительным. В составе заупокойной пищи растет процентное содержание лошади, прежде всего за счет поминальных тризн. В курганах IV—II вв. до н. э. наряду с плоскодонной посудой появляется круглодонная керамика, которая типологически близка саргатским и сарматским образцам [11, с. 83—85].

Помимо отдельных находок кинжалов ранне-сарматских форм (с прямым перекрестием и серповидным навершием — случайная находка у села Бишкуль, насыпь кургана 12 могильника Амангельды), среди памятников IV—II вв. до н. э. Северного Казахстана выделяется небольшая группа с яркими раннесарматскими чертами. Эти черты проявляются не только в погребальном обряде (катакомбы II и III типов по К. Ф. Смирнову, простые грунтовые ямы и ямы с заплечиками, где погребенные лежали головами на юг, иногда с отклонениями к востоку или западу, положение в качестве напутственной пищи передней ноги овцы), но и в инвентаре (зеркала, керамика) [10, с. 13—18, рис. 3; 11, с. 25, 26, 71, 78, табл. 26, II; 33; 52, 11].

На наш взгляд, появление инноваций в погребальном обряде и инвентаре кочевников Северного Казахстана связано не только с дальнейшим развитием общества, его внутренними изменениями, но и является результатом движения на запад во второй половине V—IV вв. до н. э. различных групп родственных племен, живших до этого в пределах, скорее всего, Восточного Туркестана. Первое, по всей видимости, наиболее массовое переселение осуществлялось, очевидно, несколькими последовательными волнами, но на протяжении достаточно короткого промежутка времени в пределах, скорее всего, третьей четверти V в. до н. э. В дальнейшем, на протяжении IV в. до н. э., эти миграции уже имели менее массовый характер. На запад, главным образом на Южный Урал, уходили небольшие родовые подразделения, которые вливались в среду родственных племен.

В ходе первого этапа этого движения в третьей четверти V в. до н. э. основная масса кочевого населения шла через Семиречье на Южный Урал, вливаясь по ходу своего движения в среду местных номадов. Небольшая же часть переселенцев из Восточного Туркестана, отколовшись от основного массива, передвинулась на север — в степь и лесостепь Обь-Иртышья. Возможно, что отдельные группы номадов Восточного Туркестана вошли в состав кочевников Северного Казахстана, привнеся туда «сарматские» элементы в погребальной обрядности и инвентаре. С этими мигрантами связаны, очевидно, погребения конца V — начала IV вв. до н. э. — Берлик II, курган 6 и Урнек, курган 2, с яркими раннесарматскими чертами в погребальном обряде и инвентаре [11, табл. 22, III; 24; 52, 9, 10; 59, 21].

В дальнейшем сарматские черты в среде номадов Северного Казахстана поддерживались переселением в этот регион части ранних кочевников Южного Зауралья [11, с. 84; 6, с. 36; 5 с. 125]. В этой связи

следует отметить, что погребения с южной ориентировкой костяков в Северном Казахстане совершенно не известны в его южной части (Ишимо-Чаглинский микрорайон), примыкающей к степям Центрального Казахстана, но распространены в Сергеевском микрорайоне, наиболее близком по природным условиям к Южному Зауралью [10, с. 17, 23; 11, с. 78, 85, табл. 8]. Следует подчеркнуть, что передвижение ранних кочевников Южного Зауралья в Северный Казахстан в IV—III вв. до н. э. вряд ли имело массовый характер. Скорее всего, его следует рассматривать как одно из проявлений процесса постоянных перегруппировок внутри кочевого мира, отрыва отдельных родов или родовых подразделений от основного массива и включения их в состав родственных кочевых объединений [1, с. 83]. В этом случае происходят изменения маршрута кочевания и мест летних пастбищ, тогда как расположение зимовок (или зимних пастбищ) практически не меняется. Результатом таких перегруппировок и является, вероятно, ситуация, когда представители одного рода, зимующие в непосредственной близости, летом расходятся на сотни километров друг от друга, занимая различные регионы Казахстана (для казахов нового времени — см.: [3, с. 144, 148, 149, 153; 7, с. 136—147]).

Во второй половине III в. до н. э. в урало-казахстанских степях, также как и на примыкающей к ним территории Средней Азии, происходят значительные изменения, связанные в целом с трансформацией этнокультурной ситуации в восточной части степной Евразии, вызванной подвижками кочевого населения Центральной Азии. Однако, связывать эти изменения лишь с северным походом Модэ 203—202 гг. до н. э. вряд ли правомерно. Очевидно, продвижение на север и северо-запад отдельных групп или родовых подразделений центральноазиатских кочевников, и не только хунну, могло происходить и ранее, по крайней мере уже в середине III в. до н. э., в период создания и усиления хуннского племенного объединения в этом регионе. Кроме того надо иметь в виду и некоторые моменты политики как отдельных китайских царств конца периода Чжаньго, так и империи Цинь по отношению к северным «варварам» — кочевым племенам Северного и Северо-Западного Китая.

С конца IV—III в. в Центральном Казахстане распространяются памятники коргантасского типа, генезис которых связан с миграцией населения Внутренней Азии, возможно, через Тыву и Горный Алтай [2; 8; 9; 12]. В Северном Казахстане, а также на Южном Урале, с передвижениями племен Центральной Азии в III—II вв. до н. э. можно связать появление уже в III в. до н. э. и, особенно, во II в. до н. э. ряда инноваций в материальной культуре, прежде всего в вооружении. Это кинжалы с прямым перекрестием без навершия или кольцевым навершием, без металлического перекрестия и навершия, новая конструкция лука — с концевыми костяными накладками, которым соответствуют более крупные железные черешковые трехлопастные наконечники стрел [11, с. 51, 56, 57]. К инновациям можно отнести и распространение миниатюрных височных колец и серег в полтора-два оборота, по-

явление бронзовых литых миниатюрных котелков, прорезных колокольчиков, бронзовых и железных восьмерковидных пряжек с неподвижным боковым выступом или крючком, костяных поясных пряжек, бронзовых ажурных поясных пряжек с изображением сцен терзания хищником верблюда или лежащего верблюда, костяных наверший гребней и др. Инноваций же в погребальном обряде в этот период почти не прослеживается, за исключением, пожалуй, распространения захоронений в катакомбах с южной ориентировкой погребенных и появления в Южном Приуралье захоронений в каменных ящиках, близких коргантасским [4, с. 113]. Связано это, вероятно, не столько с малочисленностью в урало-казахстанских степях комплексов III—II вв. до н. э., сколько с тем, что сюда, очевидно, проникали группы родственные ранее ушедшим на запад кочевникам.

К рубежу новой эры непрерывность развития и этнокультурное единство населения Северного Казахстана, также как и Центрального, нарушается. Западная и северо-западная ориентировка погребенных сменяются южными, распространяются подбойно-катакомбные захоронения. Как отмечает М. К. Хабдулина, «...погребальный обряд и характер вещевого инвентаря указывает на усиление связей с юго-восточными и южными регионами азиатских степей. Господство южной ориентировки, некоторые типы предметов вооружения, находят аналогии среди подбойно-катакомбных погребений Семиречья. В керамическом комплексе наблюдается сходство с сосудами усуньской культуры и отдельными типами посуды улуг-хемской и кокзальской культур Тувы» [11, с. 86].

Литература и источники

1. Арутюнов, С. А. Проблема археологических критериев этнической специфики / С. А. Арутюнов, А. М. Хазанов // СЭ. — 1979. — № 6. — С. 79—89.
2. Бейсенов, А. З. Новый тип раннекочевнических погребений с черепами животных в Центральном Казахстане (к проблеме изучения памятников поздне-тасмолинского времени в Восточной Сарыарке) / А. З. Бейсенов // Изучения памятников археологии Алтайско-

го края : материалы науч.-практ. конф. — Вып. V. — Ч. 2. — Барнаул, 1995. — С. 221—226.

3. Востров, В. В. Родолеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX вв.) / В. В. Востров, М. С. Муканов. — Алма-Ата : Наука Казахской ССР, 1968. — 256 с.

4. Гуцалов, С. Ю. Позднепрохоровские погребения на реке Жаман-Каргала / С. Ю. Гуцалов // Вопросы археологии Западного Казахстана. — Вып. 2. — Актюбе, 2005. — С. 110—114.

5. Матвеева, Н. П. Ранний железный век Пришимья / Н. П. Матвеева. — Новосибирск : ВО «Наука» : Сибирская издательская фирма, 1994. — 152 с.

6. Мошкова, М. Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности : научный доклад, представленный в качестве дис. ... докт. ист. наук / М. Г. Мошкова. — М., 1989. — 47 с.

7. Муканов, М. С. К вопросу о родорасселении казахов на территории Казалинского и Перовского уездов Сыр-Дарьинской области (вторая половина XIX в.) / М. С. Муканов // Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. — ТИИАЭ АН КазССР. — Т. 12. — 1961. — С. 136—147.

8. Пересветов, Г. Ю. К вопросу о появлении в Северо-Восточном Казахстане памятников «коргантасского типа» / Г. Ю. Пересветов // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. — Вып. 2. — Павлодар : ЭКО, 2006. — С. 200—207.

9. Таиров, А. Д. Памятники «коргантасского типа»: взгляд со стороны / А. Д. Таиров // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. — Вып. 2. — Павлодар : ЭКО, 2006. — С. 182—199.

10. Хабдулина, М. К. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного Казахстана (VIII—II вв. до н. э.) / М. К. Хабдулина // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск : Изд-е Башкирского ун-та, 1987. С. 3—25.

11. Хабдулина, М. К. Степное Пришимье в эпоху раннего железа / М. К. Хабдулина. — Алматы : Гылым : Ракурс, 1994. — 170 с.

12. Шульга, П. И. О захоронениях коргантасского типа / П. И. Шульга // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии : тезисы докладов круглого стола, посвященного 20-летию независимости Республики Казахстан / отв. ред. А. З. Бейсенов. — Караганда, 2011. — С. 117—120.

ТАИРОВ Александр Дмитриевич, директор научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Россия), доктор исторических наук. Автор более 200 работ, в том числе 5 монографий в области археологии и древней истории степной Евразии и георхеологии. E-mail: tairov55@mail.ru

Поступила в редакцию 1 декабря 2014 г.

ETHNOCULTURAL PROCESSES IN NORTH KAZAKHSTAN
(THE SECOND HALF OF THE I MILLENNIUM BC)

A. D. Tairov, South Ural State University, Cheliabinsk, Russian Federation

tairov55@mail.ru

Significant changes took place in the funerary rite, composition and position of the grave goods of nomads in North Kazakhstan at the end of V—IV centuries BC. The reasons are not only in inner transformations of society. It's also a result of moving on the West a group of relative groups from Eastern Turkestan. Subsequently a part of nomadic tribes migrated from territory of South Trans-Urals to North Kazakhstan; as a result "Sarmatian" features were secured in funerary rate of nomads of North Kazakhstan. Another migratory wave of nomads of Central Eurasia on the West was at the second half of III century BC. This wave also determined the further transformation of funerary rite of Ural-Kazakhstan steppes' population.

Keywords: North Kazakhstan, Early nomads, ethno-cultural processes, funerary rite, migrations.

References

1. Arutyunov S.A., Khazanov A.M. Problema arheologicheskikh kriteriev jetnicheskoy specifiky [Problem of archaeological criterions in the ethnic specific]. *Sovetskaya jetnografija* [Soviet ethnography]. 1979, no 6, pp. 79—89.
2. Beysenov A.Z. Novyj tip rannekochevnicheskikh pogrebenij s cherepami zhivotnyh v Central'nom Kazahstane (k probleme izuchenija pamjatnikov pozdnetasmolinskogo vremeni v Vostochnoj Saryarke) [A new type of Early nomadic graves with the animal skulls in Central Kazakhstan (to the issue of studying the sites of the late Tasmola phase in Eastern Saryarka)]. *Izuchenija pamjatnikov arheologii Altajskogo kraja. Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii* [Studying of archaeological sites of Altaic region. Materials of the scientific and practical conference]. Iss. V, part. 2. Barnaul, 1995, pp. 221—226.
3. Vostrov V.V., Mukanov M.S. *Rodoplemennoj sostav i rasselenie kazahov (konec XIX — nachalo XX vv.)* [Tribal structure and settlement of Kazakhs (end of XIX — beginning of XX centuries)]. Alma-Ata: «Nauka» Kazakh SSR, 1968, 256 p.
4. Gusalov S.Yu. Pozdneprohorovskie pogrebenija na reke Zhaman-Kargala [Burials of the Late Prokhorovo period on the river Jaman-Kargala]. *Voprosy arheologii Zapadnogo Kazahstana* [Archaeological questions of Western Kazakhstan]. Iss. 2. Aktobe, 2005, pp. 110—114.
5. Matveeva N.P. *Rannij zheleznyj vek Priishim'ja* [The Early Iron Age of Priishimje]. Novosibirsk: Nauka Press. Siberian Publishing House, 1994, 152 p.
6. Moshkova M.G. *Puti i osobennosti razvitija savromato-sarmatskoj kul'turno-istoricheskoj obshhnosti: Nauchnyj doklad, predstavlenyj v kachestve dis. ... dokt. ist. nauk* [Ways and features of evolution of Sauromatian-sarmatian culture-historical community: Scientific report, which were represented as dissertation. ... doctor of historical science]. Moscow, 1989, 47 p.
7. Mukanov M.S. K voprosu o rodorasselenii kazahov na territorii Kazalinskogo i Perovskogo uezdov Syr-Dar'inskoj oblasti (vtoraja polovina XIX veka.) [Anent the families settlement in the territory of Kazalinskiy and Perovskiy counties of Sir-Dar'inskiy region (the second half of XIX century)]. *Novye materialy po arheologii i jetnografii Kazahstana. Trudy Instituta istorii, arheologii i jetnografii Akademii nauk Kazahskoj SSR* [New materials of archaeology and ethnography of Kazakhstan. Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR]. 1961, vol. 12, pp. 136—147.
8. Peresvetov G.Yu. K voprosu o pojavlenii v Severo-Vostochnom Kazahstane pamjatnikov «korgantasskogo tipa» [Anent the appearance of sites of «korgantasskiy type» in Northeast Kazakhstan]. *Izuchenie pamjatnikov arheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ja* [Studying of sites of Pavlodar Priirtishye]. Iss. 2. Pavlodar: SPF «ECO», 2006, pp. 200—207.
9. Tairov A.D. Pamjatniki «korgantasskogo tipa»: vzgljad so storony [Sites of «korgantasskiy type»: point of view from another side]. *Izuchenie pamjatnikov arheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ja* [Studying of sites of Pavlodar Priirtishye]. Iss. 2. Pavlodar: SPF «ECO», 2006, pp. 182—199.
10. Khabdulina M.K. Pogrebal'nyj obrjad naselenija rannego zheleznoogo veka Severnogo Kazahstana (VIII—II vv. do n. je.) [Funerary rite of tribes of the Early Iron Age in North Kazakhstan (VIII—II centuries BC)]. *Rannij zheleznyj vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ja* [The Early Iron Age and Medieval of the Ural-Irtish interfluves]. Chelyabinsk: Publishing House of Bashkir University, 1987, pp. 3—25.
11. Khabdulina M.K. *Stepnoe Priishim'e v jepohu rannego zheleza* [Steppe Priishimye in the Early Iron Age]. Almaty: Gilim, Rakurs, 1994, 170 p.
12. Shulga P.I. O zahoroneniiah korgantasskogo tipa [About graves of korgantasskiy type]. *Sakskaja kul'tura Saryarki v kontekste izuchenija jetnosociokul'turnyh processov stepnoj Evrazii. Tezisy dokladov Kruglogo stola, posvjashhennogo 20-letiju Nezavisimosti Respubliki Kazahstan* [Saka's culture of Saryarka in the context of studying ethno and socio-cultural processes of steppe Eurasia. Theses of Round table' reports, which was devoted to 20th Independence Day Kazakhstan' Republic]. Karaganda, 2011, pp. 117—120.

Received Desember 1, 2014